

М.Бейзер

Элегия любимой сестре в день юбилея

" Там лучше, где нас нет.
Но мы везде " (Жванецкий)

Шахтерский город Черемхово.
Что в нем особого такого?
Что там Вампилов был рожден,
Да в памяти у Тэмы он
Надолго оставляет след,
С тех пор, как Тэма помнит свет.
Ты помнишь детство или нет?

Тогдашний мир твой, вся родня,
Тебя сегодня поздравляет.
Их нет, но это не меняет
По существу. Ты помнишь их.
И бабушку, и тетю Машу,
И Иду с Вовкой бесшабашным,
Седые мамины виски,
И папу с фронта без руки.

Послеблокадный Ленинград.
Домов разбомбленных скелеты.
Нет фонарей и света нету.
Две комнаты – тринадцать душ.
Один сортир, какой там душ?
Но жизнь веселая, без пьянки.
Рыбжир и каша из овсянки.

Я родился после войны.
Аборты не разрешены.
Спасибо Сталину за это,
А то б я не увидел света.
И лучше бы не увидал,
Ведь в коммуналку я попал.

Соседку пьяный муж мордует,
Другая в кухне суп ворует.
Мать что-то шьет, а, может, кроит,
Отец с соседом крысу ловит.
Училка учит вас - детей
Про отравителей-врачей.
Хотелось просто погулять;

Гулять с детьми послала мать.
Кровать на двух, и платице одно.
Одно, да и оно... не от Диора.

Ты помнишь, Тэма, Левашово
Так, года пятьдесят восьмого?
Собака лает, кушать просит.
Сестра с колонки воду носит.
Гагачет гусь, коза стенает;
Её зачем-то отбирают.
Наш дедушка, как вечный жид,
За электричку бежит.
И постоянный страх, как пытка,
Что ты не заперла калитку.
В "Пожарке" мы играем в прятки.
Тётъ Ид копается на грядке.
Брат Вова ходит в огород,
Где ягоды невпроворот.
Дядь Ось в саду горбыль пилит.
Дядь Ись чего-то мастерит.
А что двоюродные дяди?
Я их приплел не рифмы ради.
Ашдод, туда же Балтимор,
В сестру вперяют страстный взор.
Запечатляет всех дядь Коль
Своей крутою мацлемой.
Кашрут, мезуза и "блантура".
Сиречь - еврейская культура.
Дядь Зай над *алте захн* чахнет.
Родимый край. Местечком пахнет.

Сестра, я мог бы рассказать
Всю жизнь твою весьма подробно.
Что ты смогла супругу дать,
Какой была ты сыну мать....
Но гости не желают ждать.
Им только б выпить да пожрать.
А жизнь как океан огромна.
Ты удостоилась диплома,
Когда уж было сорок пять.

Да, было всякое, но скромно
Нам лучше все не вспоминать.

Пропустим несколько веков.
Вот иешива. Неве Яков.
Марроканизм, опять кашрут.
Сиречь – а идише тарбут.
Талмид-хахам над Торой чахнет.
Прогрессом даже и не пахнет.

Жизнь изменилась, спору нет:
И пелефон и интернет.
Не надо очередь стоять.
Не надо ведрами таскать.
А если хочешь видеть свет,
То не партийный комитет,
А ты сама должна решать.
Когда, куда, зачем летать.

Сбылась мечта, как говорят.
Мы вырвались за границу.
А тут, куда ни кинешь взгляд,
Повсюду видишь те же лица.
Щас география не значит,
Я говорю тебе как брат.
О чем в Одессе говорят,
О том же в Брайтоне судачат.
Ото давар, даю вам слово,
Париж – он то же Левашово.
Есть, правда, там ватерклозет,
А в Левашово нет как нет.

В конце всех жизненных преград
Нас ожидает рай иль ад.
Но, если рая не дано,
Нам это, право, это, право, все равно.
Для нас, кто прожил жизни эти,
Не будет хуже, ничем не хуже на том свете.